

Владимир ШИРЯЕВ

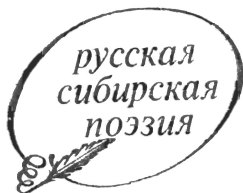
3407(2P53- ALEN)

Ш64

3

ВРЕМЯЧКО
ЖЕЛАННОЕ
стихи

45

K 92

98 06

8497(2953-4)кем
Ш67

Владимир
ШИРЯЕВ

стихотворения

51644-12

Кемерово
Издательство «Кузнецкая крепость»
1993

ББК
Ш64

4702010202-8
Ш $\frac{\text{Л } 77(03)-93}{\text{—}} 93$

Без объявл. ISBN 587521007-9 © Ширяев В. М., 1993

ПОДРАЖАНИЕ БРЮСОВУ

— Каменщик, каменщик, в фартуке белом,
что ты там строишь, кому?

В. Брюсов

— Строим дворец, небывалый в истории!
Там расположится рай!

— Вместо дворца вы, ребята, построили
тесный и темный сарай.

Не перестроить. Тут надобно новое.

— Так растолкуй нам, поэт:
или прорабы все были хреновые
или дурацким — проект?

ОДА ГЕКАЧЕПИСТАМ

Спасибо вам, что не заставили
вести дебаты — лет полста.
А взбунтовались и поставили
все вещи на свои места.

Мы, как всегда, гадали хмуро бы:
что там, на самом наверху?
Но вот — объединились в хунту вы,
и разъяснилось — кто есть ху.

История тащилась медленно,
а тут помчалась во всю прыть.
Да вас бы орденами Ленина
за это надо наградить!

И я за вас бы выпил чарочку,
но — нету денежек, увы.
...Как хорошо, что не по карточкам
спиртное получали вы!

ПРОЩАНИЕ С ЭЗОПОВЫМ ЯЗЫКОМ

До свиданья, Эзопов язык!
Мы уходим на новый зов.
Нет, а все-таки тот Эзоп
замечательный был мужик!

Если, скажем, начальник — дуб,
можно басню писать про Дуб.
Ну, а ежели он — свинья,
басню можно назвать: «Свинья».

Службу ты сослужил свою!
Только вот — ни одна свинья,
прочитав про себя, свинью,
не сказала себе: это я.

И пускай ты давно возник,
вечным быть не твоя судьба.
До свиданья, Эзопов язык, —
хитроумный язык раба.

АРТЕЛЬ

Раз демократии народ захотел,
мы собираем на сходку артель.

Рядом со мною вирипрыжку бегут
Васька-воришка, Колян-баламут,

Митя-пропойца, фарцовщик Тарас...
Кто ж председателем будет из нас?

ОПЕЧАТКА

Как знакомы мне штуки эти! —
Как всегда, поскорей бы набор.
И — опять опечатка в газете:
«Человек по природе бобр».

Добр, конечно.
И в оные годы
мы б отведали Севера враз!
А сейчас и не снимут с работы,
Пожурят только вежливо нас.

Разболтались — отсюда и беды.
Мне редактор на это:
— Вздор!
И — поправочка:
«Приняты метры...
Человек по природе бобр».

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Нету гвоздей. Я иду в магазин.
Гвоздик хотя б на прилавке один!

Город обегал я. Только везде
мне говорили: «Нету гвоздей».

Кто отвечает за выпуск гвоздей? —
Гвозди бы делать на этих людей!

* * *

Руки милой махоркою пахнут...
Ты курила ядреный табак.
Как, наверно, подруженьки ахнут,
с самокруткой увидев тебя.

И не будет конца их восторгу,
станут наперебой говорить:
«Где же ты раздобыла махорку?!
Дорогая, оставь покурить!..»

НА БАЗАРЕ

Приближаюсь: книги, вроде.
Есть Белинский, Гоголь — славно!
Убеждаюсь: книги в моде
и дороже чернослива.

— Гегель будет только завтра. —
Разобрали нынче сразу
Гегеля, Камю и Сартра.
Предлагаю Леви-Стросса.

Не читал его ни разу...
Раскошелится. Толкую:
— Как бы счастлив был Некрасов
видеть зрелище такое!

* * *

С. Печенику

Прибыл из Америки мой друг.
Грустно огляделся он вокруг:
«Лучше бы не ездил в Штаты —
погляжу на наши хаты
и охота вздернуться на крюк.

Мы с тобой, Володя, босяки.
А у них — у всех особняки!
Все имеют лимузины,
а про супер магазины
хоть слагай красивые стихи!»

Но сурово другу я сказал:
«Ты разуй, пожалуйста, глаза.
Нет резона быть богатым —
Ведь Христос сказал когда-то,
что не для богатых небеса.

И — богатым есть чего терять.
Ну, а если нас отправят в ад, —
ничего не потеряем,
ад покажется нам раем,
жизнь свою улучшим во сто крат!»

* * *

В. Проку

Шутил Володя Прок,
поддев большой пельмень:
«Не дай родиться Бог
в эпоху перемен!

Нам, вроде, повезло...»
Но тут же, как назло,
настали перемены
и — сгнули пельмени.

Хоть ты вздыхаешь часто,
но я скажу тебе,
что не в пельменях счастье.
Оно, мой друг, в борьбе!

ЛЮБИМОЙ

Повстречались с тобою
мы в эпоху застоя.
И — зажили неплохо,
несмотря на эпоху.

На работу ходили,
напевая мелодии.
И редиску садили
у себя в огороде.

Если честно признаться, —
под весенней звездой
хорошо целоваться
даже в годы застоя.

* * *

Что жена — в наркологии,
а сынок — в трудколони,
мой сосед — ну хоть режь его! —
обвиняет Л. Брежнева.

В сорок лет — он развалина,
матерится и охает.
Утверждает: раздавлены
мы застойной эпохой.

— Не хочу вас воспитывать,
но прошу вас учитывать:
и в эпохи застойные
были люди достойные.

* * *

Был у меня безмятежный союз
с Шуточкой легонькой.

Только я ей изменял, сознаюсь,
с голою Логикой.

Явно не женственности эталон —
слишком уж тощая.

Но говорила: «Ты очень умен,
у нас много общего.

Ты же поэт! — продолжала учить. —

Брось свою дурочку!»

И, одинокая, в темной ночи
плакала Шуточка.

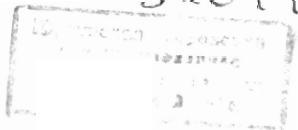
Логика ж, узенький лобик склоня,
щурилась злобненько.

И... задушила в объятьях меня
голая Логика!

Не сожалела об этом она
даже ни чуточку.

...Правда, потом воскресила меня
милая Шуточка.

51644 17

НА ПОБЕРЕЖЬЕ БЕЛОВСКОГО МОРЯ...

На побережье Беловского моря
дни провожу я, не ведая горя.

Грею на солнышке свои кости
и приглашаю вас мысленно в гости —

жителей Грузии и Карабаха —
здесь бэтээр никогда не бабахал.

Мы — не подарочки тоже. Но тут
реки кровавые не текут.

Вы приезжайте осваивать опыт, —
тот, что Сибирью для общества добыт!

В общем, друзья, ожидаю вас вскоре
на побережье Беловского моря.

МАРТОВСКОЕ

Печалиться зачем же мне,
раз этот миг настал? —
Мой город чисто зазвенел,
как свадебный хрусталь.

Лучом разбуженный родник
звенит. И вслед за ним
в моем кармане гривенник
торжественно звенит.

Ломами дворники звенят
и связками ключей.
Звенит в сознании у меня
стих, неизвестно чей.

.
Бывали лучше времена,
но не было звончей!

* * *

Порою очень даже меткими,
порою спорными весьма,
Ульянов испещрял пометками
библиотечные тома.

Пускай ты вождь, но что за мания
писать на писанном, скажи?
Есть у тебя писать желание —
на чистых листиках пиши.

...Пусть я соображаю медленно,
и пусть вождям я не чета, —
но я за порчу книжек Ленина
сурово б очень отчитал!

* * *

Г. П.

Точка, где мы появляемся с Геной,
сразу становится криминогенной.

Не потому, что мы носим ножи,
а потому, что мы учим всех жить.

Правду народ не желает любить.
И — начинает нас с Геною бить.

* * *

Тот, кто вовремя взялся за ум,
тот нимало не потерял.

...В этом городе бывший кум
возглавляет «Мемориал».

Кто колхоз возглавлял «Большевик» —
образцовым фермером стал.

А обкомовский секретарь —
уважаемый биржевик.

Стали с невеществами дружить
эти люди совсем не зря. —

Понимают, что старым жить
в наше время уже нельзя.

...Он эков наставлял на ум,
на допросах на них орал!

А теперь — этот бывший «кум»
возглавляет «Мемориал».

ПОРА ВСТУПАТЬ В КОМПАРТИЮ

(песня)

Друг, не впадай в апатию,
с постели теплой слазь.
Пора вступать в компартию
и брать скорее власть!

П р и п е в:

За границей — левые,
а в России — правые,
мы — ребята brave,
ленинизму верные!

Мы запросто серьезные
проблемы разрешим.
Структуры мафиозные
в два счета сокрушим!
Прихлопнем прессу вздорную,
как встанем у руля.
Удобные, просторные
построим лагеря!
Свобода — бремя странное.
Вы ждали нас тайком.
Мы обеспечим каждого
приемлемым пайком.
И, как бы ни позорили
враги наш светлый путь, —
ход мировой истории
им вспять не повернуть!

За границей левые... и т. д.

* * *

На горке дом большой
стоял который век.
Но к дому подошел
какой-то человек.

Он, заложивши тол,
поджег бикфордов шнур.
Сказал: «Процесс пошел...»
И рядышком заснул.

* * *

Доверял я демократам,
а теперь я их боюсь:
расщепили, словно атом,
нерушимый наш Союз.

Проницательный не слишком,
я одно лишь твердо знал:
при распаде — будет вспышка
ослепительного зла.

ОТКУДА ЕСТЬ ВСЕ ПОШЛО?

(хроника Временных лет)

Было невинным начало процесса:
объединялись по интересам.

Шили, кроили, но больше вязали,
танцы народные вместе плясали.

После на улицах заорали
разнообразные неформалы.

Кто-то воскликнул: «Мы — не рабы!»,
партии выросли, как грибы.

Их коммунисты скушать пытались, —
на сковородку сами попались.

Рухнули старые авторитеты,
провозгласились суверенитеты.

Ну, а теперь — не пойму я, хоть тресни:
брат мой живет за границую — в Бресте.

Тесть за границей — на Украине.
Вот навязали! Вот накروили!

...Не предвещали малейших эксцессов
объединения по интересам.

І СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

...А когда овацни замолкли,
я сказал любимой:

«Торопись!

Семенами огурцов и свеклы
непрерменно надо запастись.

Ветер перемен не понарошку
разгулялся.

Согласись со мной».

Ты мне подсказала: «...И картошку
мы посадим будущей весной!»

* * *

Удирали из города
с чувством острого голода,
два писателя — местные,
но довольно известные.

«Президента решения
съели все сбережения.
Мы питаемся, нищие,
лишь духовною пищею.

Но ее, очень важную,
сочетать нужно с кашею.
Впрочем, нечего сетовать.
Будем землю возделывать!»

Даром время не тратили...
Вот и стали писатели
загорелыми, сильными,
стройными и красивыми.

Подружившись с лопатами,
стали очень богатыми.
И живей, без сомнения,
стали их сочинения.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ

Опять походкою тяжелой,
Вдыхая аромат хвои,
хожу как будто Костанжогло,
я по владениям своим.

«Землица — не литература,
туды ее и растуды.
Землица мне воздаст натурой
за праведные труды.

Ботанике не возражая,
я думаю, земляца-мать,
что можно по три урожая
с тебя уверенно снимать».

Присяду. Уморился малость.
Закуриваю «Северок».
Потом слюнявю важно палец —
не с севера ли ветерок?

И думаю неторопливо:
«Я делаю успехи здесь. —
О, как она цветет красиво —
взлелеянная мной крапива —
любимый мой деликатес!..»

КОЛЛЕГИ

Нынешнею весною
я познакомился с Петей.
Живет он один в лесочке,
ему двадцать девять лет.

Режет Петро вощину,
сеет люцерну и клевер.
По вечерам же читает
он «Апиакту» — журнал.

И хлопоты эти и чтение —
все для того, чтоб скорее
заполучить от природы
благоуханный мед.

Мы с пасечником — коллеги!
И я хлопочу неустанно,
чтоб в своих строфах-сотах
поэзии мед скопить.

Но есть и большое различье! —
На Петю работают пчелы —
их миллионы, снующих.
Я ж — пасечник и пчела.

Чтоб написать хоть строчку —
ту, что искрится правдой, —
с тысячи жизненных фактов
я должен нектар собрать.

В поэмах же — сотни строчек!
Вот и летаю по свету.
Отдыха — ни секунды.
Жалюсь, когда разозлят.

...Мне кажется, если Петру я
стихи прочитаю эти,
то он, хорошенько подумав,
медом меня угостит.

* * *

Вчера, копаясь в огороде,
пожухлые сгребая плети,
я вспомнил вдруг: ты на исходе,
родимое тысячелетье.

И настает, как видно, время
тому сбываться в этом мире,
о чем библейские пророки
так методически твердили.

...Мы Библию у бабок просим
и в текст впиваемся.

И эти
ветхозаветные прогнозы
волнуют так же, как газеты.

* * *

Среди льдин плескаюсь мирно я,
раздвигая грудью их, —
так как дедушки Порфирия
я прилежный ученик.

Мне его уроки дороги —
похвала ему и честь!
Я люблю купаться в проруби
и по месяцу не есть.

Выглядеть хотите молодо?
Да и без недугов жить? —
Надо подружиться с холодом,
надо с голодом дружить.

Если ты — со слабой волею,
не грусти:

 лелея нас,
оптимальные условия
нам правительство создаст!

* * *

Какая тишь. Какой покой.
На камень сяду.
Неторопливо за рекой
клубится стадо.

Меняясь, облака бегут,
клубятся в выси.
Неторопливые в мозгу
клубятся мысли.

«И я куда-то вдаль стремлюсь,
меняя облик.
Я тоже медленно клублюсь.
Я тоже — облак,

Могу я щедрый дождь пролить
друзьям на память.
Могу и молнию родить
и ей ударить!

Но эфемерен облик мой —
вот в чем досада!..»
...Печально я себя домой
гоню, как стадо.

* * *

Были резкими скорбные тени
задыхающихся растений,
надвигалась великая сушь.
Председатель вздыхал и боялся,
что сгорит на корню биомасса.
От жары уже не было спаса...
Вдруг — желанный обрушился душ!

Дождь веселою музыкой лился,
о карнизы звенел и о листья,
он березам алмазные клипсы
нацепил. Все, кто жаждал — напился!
Так неделя прошла. А потом...
Этот ливень все длился и длился,
и вздыхал председатель и злился,
и мечтал, чтоб скорей прекратился
сокрушивший все планы потоп.

ГЕНИНА АЛЛЕЯ

Г. Полищину

Вот она, алеет —
Генина аллея.

Я еще не позабыл,
кто в моей деревне пыльной
те рябины посадил.
И они не позабыли.

Потому от века Русь
все поет про гроздь рябины,
что у этих ягод — вкус
нашей горестной судьбины.

...Шепчутся ночами,
о тебе выспрашивают.
Деревца скучают
по отцу посаженному.

* * *

В воздухе лета, теплом и чистом,
что наплывает душистой волной,
пахнет ромашками, неофашизмом,
хлебом, землею, гражданской войной.

Быстро темнеют края небосвода.
Тихо... Но вестью о близкой грозе
Горечь озона — запах свободы —
перебивает запахи все.

ПОСАДКА КЕДРОВ

«В Горной Шории мы встречали и 500-летние кедры, которые плодоносили даже лучше, чем деревья более младшего возраста... Кедры возрастом 850 лет зафиксированы в районах Кузбасса, Алтая и Западных Саян».

Г. В. Крылов, А. М. Шмонов.
«Сибирский кедр», Кемерово, 1985.

Пришла осенняя пора,
гуляют ветры.
Опять я с самого утра
сажаю кедры.

Я знаю: даст орешек всход —
зеленый, малый.
Он будет лет через пятьсот
вполне нормальный.

Тянись, зеленая семья,
все выше, выше!
Мне даже кажется, что я
тебя увижу.

...Придет какая ли беда,
шалют ли нервы, —
не унываю: я тогда
сажаю кедры.

* * *

Как и десять лет назад,
в царственном безделии,
мрачно вороны сидят
на высоком дереве.

Закричу на весь наш сад —
взмоют без оглядки!
Опустились. Вновь сидят,
но в другом порядке.

К ВОПРОСУ О СОБАЧЬЕМ ЗРЕНИИ

Очень изумил
друг меня ученый:
«Для собак — весь мир
только бело-черный».

...Расцвела весна,
вышел песик в сад.
Нежные цвета
не обманут пса.

Мир — разбит у пса
на два четких класса:
если враг — кусай!
если друг — ласкайся!

На оттенки роз
любоваться брось.
Если ты барбос —
заступай на пост!

Ясно, просто все.
Так и надо жить.
Я б хотел у псов
зренье одолжить.

Станет трудно — пусть.
Буду огрызаться!
Только вот боюсь:
научусь лизаться.

МЫСЛЯЩИЙ КАМЕНЬ

(философическое письмо
инженеру Сергею Климову)

Друг мой, снова буду я
утверждать уверенно:
камень — тоже думает,
только очень медленно.

Он других касается,
и о доле ближнего
мысли просыпаются
в глубине булыжника.

Мысли просыпаются...
Только для прозрения
не хватает времени —
камень рассыпается.

Ты без вольной волюшки,
каменная долюшка!
Ну, а в нашей долюшке
разве меньше горяшка?

Гении, что умерли —
самые большие —
разве все додумали,
разве все решили?..

Исполнен горюшка неисцелимого,
на полной скорости такси гоню:
убили Климова! убили Климова!
Ну что он сделал хулиганью?!

Убили Климова, убили сокола!
Перед хирургами лежал он нем.
И, как мальчишка, рыдал я около,
в уме прикидывая реквием.

Мол, убили Климова, мол, убили милого,
не ведать радости, мол, мне с этих пор..
...Тут взяли Климова реанимировали,
и вновь он с нами — здоров и бодр.

Кефир он хлещет, он штангой балуется,
стихи слагает, что твой поэт.
За кисть берется, — и вот, пожалуйста,
нарисовал он автопортрет.

Так что погибли **чего** бояться нам?
Не веря в заговоры и чудеса,
я уловаю на реанимацию:
нас обязательно воскресят!

А если с этим пока не справятся,
тогда потерпим, друзья. Ведь, чтоб
мы были в целостности и сохранности,
нас упакуют в отличный гроб!

Общая Теория всего,
мною изобретенная вчера,
говорит: Вселенная — письмо,
из-под ироничного пера
вышедшее...

Странное весьма.
Я опять зачитываюсь им.
Вроде на ладони смысл письма,
в то же время — трудноуловим.

Что ни слово здесь — то все намек.
Или выразаться напрямик
автор из-за цензора не мог,
ну, а может, просто не привык.

И везде — лукавый этот смех!
Было б время — я б, наверно, смог
прочитать его вернее всех —
это очень странное письмо.

ПАМЯТНИК

«Нет матерьяла крепче
моей родимой речи. —
Что золото и медь?»
И под стенанья вьюги
воздвигнул я подруге
из Слова — монумент.

Мели всю метели,
летели дни, недели,
года чредой неслись.
И злая вьюга эта
из Слова-монумента
выветривала смысл.

Помалу-понемножку
он превратился в крошку:
видать, не тот цемент.
И снова вьюга свищет,
и снова автор ищет
у Пушкина рецепт.

* * *

Про Второе Пришествие,
в среду произошедшее,
из газеты узнали мы
в рубрике «Происшествия».

Очень многие видели,
как небесные жители
приземлились на блюдечке
в узеньком переулочке.

И они местным жителям
вежливо, уважительно
и печально поведали,
для чего нас проведали.

Кстати, новость веселая:
мы с небес занесенные.
А теория Дарвина
абсолютно неправильна.

И Христос неким образом
к нам был послан из Космоса,
чтобы сделать нас лучшими.
Но его не послушали.

Быть гуманными — трусили.
И тогда по инструкции
он на крест взошел вскорости,
чтоб взывать к нашей совести.

...Ну, а муки, товарищи,
он терпел настоящие
и вернулся в отечество
здорово изувеченный.

Какова наша миссия?
Производим ревизию.
И весьма опечалены..
Тут они и отчалили.

ВОДА

Так много видит, но когда
вдруг пробежит по ней волнение,
то забывает вмиг вода
очередное впечатление.

А может, помнит, но таит
и в подсознание их прячет.
Гляди: беспечная на вид,
она бесперерывно плачет.

* * *

Мысль выскажу вам одну, —
сказал я друзьям за ужином. —
Каждый имеет
 такую жену,
которую
 он заслуживает.

Вот, например, супруга моя —
умная, добрая.
А у Петрова жена — змея:
злая, вздорная.

Что раньше сеял, то нынче жну.
Я счастлив с моею жемчужиной. —
Каждый имеет
 такую жену,
которую
 он заслуживает.

* * *

Твердила юная жена,
персты ломая:
«Тобою опустошена,
как Русь — Мамасм!»

Но отвечал на это он:
«Мой друг, неправда.
Мамай ведь нами побежден
был у Непрядвы.

Тогда его разбили мы.
Но правда, вскоре
его преемник Тохтамыш
принес нам горе.

Потом врывался Едигей —
эмир Тимура...»
...Так до утра долдожил ей —
печально, хмуро.

РЫБКА

Г. П.

Забыть ли твое мне начало?..
Кружок драматический в школе.
Девчонка слегка опоздала,
разобраны главные роли.

И переминается робко
девчонка средь шума и крика.
— Осталась одна только Рыбка.
— Ну что ж, я согласна на Рыбку!

Растаяло горькое чувство,
лицо озарила улыбка.
И в вольной стихии искусства
резвится счастливая рыбка.

* * *

Нет-нет да на ходу и вспомнится
(пора забыть, в конце концов!)
моей случайной нелюбовницы
смугло-румяное лицо.

С тобой балакали сугубо мы
об отвлеченнейших вещах.
И вовсе не сближали губы мы,
спокойный замедляя шаг.

И даже в самых тайных помыслах
я о тебе не помышлял.
И только ветер гладил волосы
твои, когда ты рядом шла.

Прошло, Бог знает, сколько времени,
но вспомню волосы твои —
и вздрогну вдруг от дуновения
неразвившейся любви.

ВЕСЕННЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Я вышел и оторопел:
то крупными, то мелкими
в ладонь посыпалась капель
монетками, монетками!

Перебираю капитал —
капель международную.
Он травку вдоволь наплат
и почву желторотую.

Чтоб навсегда искоренить
корысть и зависть лютую, —
нам деньги надо заменить
апрельскою валютою!

Чего б хотела ты? Теперь
все решены задачи:
— Берите, продавец, капель.
Пожалуйста, без сдачи!

ЧП

Вздоражился наш дом,
словно от пожара. —
Дом поставила вверх дном
старая гитара.

Все вздыхала у окна
(в чем душа лишь держится).
А сегодня вдруг она
заболела бешенством.

Словно в прежние года,
поразвлечь нас хочет.
И хрипит про Магадан
да про чьи-то очи.

Носится по этажам,
негодует, бесится.
Пристрелить ее — да жаль:
вымирают, бестии...

ИЗ ДЕТСТВА

...Я озираю влюбленно
восьмое чудо света —
из мест из отдаленных
прибывшего соседа.

Ну как же не дивиться! —
Ведь на его груди
диковинные птицы,
русалки и вожди.

Теснились, как живые.
Хотел я быть, как он! —
Я был тогда впервые
искусством потрясен.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЕ

Говорила нам завуч злобненько:
«Назовите, друзья, виновника!»
Но желание преподавателей
из детей воспитать предателей
вызывало сопротивление.

Далеко не у всех, к сожалению...

ВОСПОМИНАНИЕ О ЖУРНАЛИСТИКЕ

Нас он в кулаке держал —
маленький горбун.
Постоянно угрожал
разными табу.

«О плохом писать нельзя!» —
злобно верещал.
Нет, редактор наш не зря
кончил ВПШ.

И однажды я тому
лютому врагу
говорю: «Твои табу
я видал в гробу!»

И статью я написал
так, как я мечтал!
...А потом — ночной вокзал
моим домом стал.

ТАНЯ КУЛИКОВА

По три нормы выдавала!
Не работник — клад!
На субботниках ломала
черенки лопат!

С кавалером не дружила
Таня в поздний час.
А с народной дружиной
охраняла нас.

Над тетрадкой в час полночный
продолжала труд.
И закончила заочно
Таня институт.

Очень Таню Куликову
уважал парторг.
Перед девушкой толковой
выражал восторг!

Что же с Таней было дале? —
На закате дней
самый главный орден дали
за работу ей!

КОЛДОГОВОР

Уже за стеклами оконными
спускалось солнышко во двор.
И собирались люди в комнате,
чтоб подписать колдоговор.

...И зазвучала тарабарщина,
и кто-то подвильнул хвостом.
И плавала волна табачная
над позолоченным листом.

Торжественно и победительно
скрипело вечное перо.
А со стены смотрело бдительно
на договор Политбюро.

«Мы обещаем!.. Как завещано!..» —
кричали все, входя в азарт,
Метались отблески зловещие
в руководящих их глазах.

Потом в обкомовской гостинице
всю ночь гремело торжество
и думалось: «Когда ж рассыплется
все это злое колдовство?»

* * *

На собрание собирался
коллектив с охотой. —
Потому что разобрался
ваш слуга покорный.

Нет, не тем, что написал
много новых песен,
этим людям вдруг я стал
очень интересен.

Грязь прилежно собирали,
долго воду лили,
разбирали, разбирали,
а собрать забыли.

Был ли я с женой чужой,
людям не скажу я.
Но с разобранной душой
до сих пор хожу я.

* * *

Во мне всегда любой диктат
рождал сопротивление.
Я с детства не любил диктант,
а только — сочинение!

* * *

Напившись чаю,
всю ночь читаю.
Читать умею, —
а не умнею.

Часа четыре
швыряю гири.
Аж весь синеею, —
а не сильнею.

Не лодырь, вроде.
Так в чем же дело?
«Ты, друг Володя,
достиг предела.

Тебе за тридцать,
пора смириться.
Пусть эстафету
несут другие».

...Вновь до рассвета
швыряю гири.

* * *

В. Баранову

Думаю, когда ко мне придешь:
«На кого ж, Валера, ты похож?»

Вспомнить действительно желаю...
Вспомнил! На Второго Николая!

И Валера тихо мне ответил:
«Это сходство я давно заметил.

Но его с женою мы скрывали,
чтоб большевики не расстреляли.

Я, наверно, Николаев внук.
Жалко деда. — Столько принял мук!

Как наследник Николая Второго,
я имею право на корону.

Из подполья надо выходить.
Или, может, малость погодить?»

И решили: выходить пора!
И кирили с другом до утра.

СОДЕРЖАНИЕ

Подражание Брюсову	5
Ода гекачепистам	6
Прощание с эзоповым языком	7
Артель	8
Опечатка	9
Баллада о гвоздях	10
«Руки милой махоркою пахнут...»	11
На базаре	12
«Прибыл из Америки мой друг...»	13
«Шутил Володя Прок...»	14
Любимой	15
«Что жена — в наркологии...»	16
«Был у меня безмятежный союз...»	17
На побережье Беловского моря...	18
Мартовское	19
«Порою очень даже меткими...»	20
«Точка, где мы появляемся с Геной...»	21
«Тот, кто вовремя взялся за ум...»	22
Пора вступать в компартию	23
«На горке дом большой...»	24
«Доверял я демократам...»	25
Откуда есть все пошло?	26
I съезд народных депутатов СССР	27
«Удирали из города...»	28
Сельскохозяйственное	29

Коллеги	30
«Вчера, копаясь в огороде...»	32
«Среди льдин плескаюсь мирно я...»	33
«Какая тишь. Какой покой...»	34
«Были резкими скорбные тени...»	35
Генина аллея	36
«В воздухе лета, теплом и чистом...»	37
Посадка кедров	38
«Как и десять лет назад...»	39
К вопросу о собачьем зрении	40
Мыслящий камень	41
«Исполнен горюшка неисцелимого...»	42
«Общая Теория всего...»	43
Памятник	44
«Про Второе Пришествие...»	45
Вода	47
«Мысль выскажу вам одну...»	48
«Твердила юная жена...»	49
Рыбка	50
«Нет-нет да на ходу и вспомнится...»	51
Весеннее предложение	52
ЧП	53
Из детства	54
Воспоминание о школе	55
Воспоминание о журналистике	56
Таня Куликова	57
Колдоговор	58
«На собрание собирался...»	59
«Во мне всегда любой диктат...»	60
«Напившись чаю...»	61
«Думаю, когда ко мне придешь...»	62

Литературно-художественное издание

Ширяев Владимир Михайлович

Времечко желанное

с л и х о т в о р е н и я

Редактор **В. Ф. Зубарев**

Художник **В. П. Кравчук**

Технический редактор **Г. Н. Манохина**

Сдано в набор 10. 11. 92 г. Подписано к печати
20. 03. 93 г. Формат 60×84¹/₃₂. Бумага офсет-
ная. Гарнитура Литературная. Печать высо-
кая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 1,92. Уч.-
изд. л. 1,45. Тираж 1200 экз. Заказ 210. Цена
договорная

Издательство «Кузнецкая крепость»,

654007, г. Новокузнецк,

пр-кт Кузнецкстроевский, 1.

Редакция,

650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40.

Типография УВД.

36-00

КЕМЕРОВО
«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»